

- Милорд!.. - в тронный зал, освещенным тусклым светом гаснущего камина, вбежал молодой парень, лет двадцати отроду. На измазанном лице юноше отчетливо читалось беспокойство, а в голубых глазах самый настоящий страх. Одет он был, как подобало страже, в стальную кирасу, а под ней теплый кожух, и кожаные брюки, которые, почему-то, были в грязи, будто, прежде чем войти в тронный зал, паренек имел честь искупаться в грязевой ванне, вместе со свиньями.

Внезапно, что-то вспомнив, юноша на миг растерялся, но в следующую секунду припал на одно колено, - Милорд!.. Торвальд Вельцбург не сдержал!.. Договор... Его войска собираются у крепостных стен, милорд!..

Человек, к которому обращался запинаящийся парень, устало раскинулся на каменном троне. Его не тревожил шум за окном, даже слова юноши не заставили хоть как-то пошевелиться. Длинные, белоснежные волосы мужчины свисали тяжелыми локонами, почти достигая каменного пола, а на макушке красовалась необычная, маленькая корона того же цвета, что и волосы.

- Ми...Милорд!.. - юноша вновь обратился к человеку на троне, но уже менее уверенней. Ему было страшно находиться тут, рядом с их благодетелем, гораздо страшнее, чем снаружи, где всю свистели стрелы, хором исполняя песнь смерти.

На мертвеcko-бледном лице мужчины вдруг появилась маленькая морщинка. Не открывая век, лишь слегка приоткрыв губы, он произнес одно единственное слово:

- Сколько? - мелодичный голос человека эхом разнесся по всему тронному залу, заставляя юношу смутиться от своей неполноценности. Несомненно, вид столько красивого человека заставит смутиться даже первых эльфийских красавиц, чего уж говорить о сопляке, ни разу не видящем ничего прекрасного в своей ничтожной жизни. С первого взгляда на мужчину, можно было спутать его с божеством, спустившимся с самих небес!

- Мы...Я не знаю, милорд... Рельеф мешает полностью оценить силы противника... Но по предварительным подсчетом, около пяти тысяч человек!.. - юноша не смел поднять свои глаза, лишь сильнее сжался. Страх перед этим величественным человеком был больше, чем перед смертью.

- Ясно... - морщинка на лице мужчины исчезла, а в воздухе повисло неловкое молчание. Юноша все ждал, не решаясь первым произнести слова, пока крики агонии за окном не заставили юного стража вновь подать голос.

- Что же нам делать, милорд? - на едином вздохе спросил парень.

- Как что? Защищайтесь. - равнодушно ответил человек.

- Но как же? Нас всего-то горстка, милорд! Как нам справиться с целой армией?! - юноша

повысил голос и, поняв, что совершил ошибку, упал ниц перед мужчиной.

Как раз в эту секунду, в тронный зал, настежь распахнув тяжелые, деревянные двери, украшенными необычными рунами, вбежал, спотыкаясь, еще один человек. Плечо у пожилого война было проткнуто стрелой, он едва мог стоять на ногах, но так же, как и перед ним юноша, приклонил колено.

- Сир! Торвальд Вельцбург, гнусный предатель, пожелал встречи с Вами! Он сказал, что если вы не появитесь перед ним через двадцать минут, отдаст приказ штурмовать Вашу обитель! – старик, сплевывая кровь перед каждым вдохом, с надеждой бросил взгляд на человека, так безмятежно раскинувшегося на холодном троне. Морщинистое лицо война было измазано гремучей смесью из крови и грязи, а итак немногочисленные волосы, слипшись, свисали набок. Бывалый опыт читался в серых глазах старика.

- Я не хочу. Это утомительно – вмиг разрывая последние нити надежды, человек глубоко вздохнул.

- Милорд! Подумайте о наших детей и женщин! Они же убьют каждого в крепости! – хором, старик и юноша, набросились на мужчину с просьбами, умоляя его.

- А мне-то что? Вы живете в моем доме, едите мой хлеб, но не можете справиться даже с такой маленькой проблемкой? Какой толк от вас? – произнося столь равнодушные слова, веки мужчины медленно открывались, обнажая острый взгляд алых глаз, - Мне нет до вас дела.

- Но сир! Какой хозяин бросит своих гостей на произвол судьбы, прямо у себя дома? Законы гостеприимства...

- Скажи-ка мне, старик, кто-нибудь помог вам по пути сюда? Кто-нибудь принял вас? Твои «законы» сгнили и развеялись на ветру еще задолго до твоего рождения, - Человек, не спеша, поднялся. На нем красовались белые одеяния, настолько белые, что, казалось, они источали свет, прикрывая тощее тело. Почему-то, мужчина, чей возраст не превышал двадцати пяти лет, не был обут. Голыми ступнями, он грациозно спустился с небольшого подъема, встав на один уровень с двумя, так же поднявшимися, стражами, легкой походкой прошел мимо них, - Приберите тут. Терпеть не могу грязь.

Некое величие и невероятная грация читалась в каждом движении мужчины, источая власть и могущество.

<http://tl.rulate.ru/book/5037/90626>